

Линдт Ирина

24.06.03

КУРЬЕР КУЛЬТУРЫ

Москва, Коллежское шоссе, - 2003 - 24 июня - е-б

Актриса

ПОЛУЧИЛА РОЛЬ В КИМОНО

Из досье "МК". Ирина Линдт — ведущая актриса Театра на Таганке. Закончила курс Юрия Любимова. Техническая, физически прекрасно подготовленная, играет на нескольких музыкальных инструментах, прекрасно поет. Исполняла одну из главных партий в мюзикле "Норд-Ост".

— **Ира, каково работать русской артистке с русской театральной школой в японском театре?**

— Театр Судзуки — особый мир. Там люди работают с утра до вечера, но если надо, и до утра. Актеры — они же монтажники, они же буфетчики: моют посуду, готовят еду на приемы... Они же, если не заняты в спектакле, продают программки как билетеры. И никаких комплексов. Коммуна своего рода. Интересно, что в труппе нет ни одной замужней женщины (есть совсем молодые, а есть кому и под сорок). Среди мужчин — только у троих семьи.

— **Что, запрет на личную жизнь у Судзуки?**

— Нет, никакого запрета не существует, просто у артистов нет времени заводить семью: работают очень много.

— **Тебе пришлось жить по законам коммуны?**

— Меня щадили. Однажды послали на монтаж, но я — в своем репертуаре — наступила на гвоздь (в зале ходят в носках), кровячка из ноги хлынула... "Ты лучше сиди", — сказали мне. Вообще, первое время тяжело было. Репетиции с 10 утра до 10 вечера. С утра — обязательный тренинг. И совершенно не имеет значения, есть у тебя репетиция или нет, — ты обязан сидеть в зале, быть всегда в боевой готовности. Судзуки меняет планы и всегда может сказать: "Пошла на сцену".

— **Что это за система тренинга у Судзуки, о которой все говорят? В чем ее особенность?**

— Вот, например, что невозможно в его театре — это взять со стороны актера на главную, да и не главную роль, потому что тот не владеет системой, он будет как белая ворона. Высший пилотаж для артистов театра Судзуки — стоять неподвижно, как статуя, а зритель должен чувствовать, как будто даже видеть стремительность, движение и энергию. Вот он учит добывать энергию изнутри, из своего тела. Когда "Таганка" впервые приехала на гастроли в Японию и мы смотрели мастер-класс Судзуки, я не могла понять, почему актеры стоят — вроде бы ничего не делают, а мокрые как мыши. Только когда сама стала заниматься, поняла это. Есть даже специальные мышечные партитуры для тела. Ты должен уметь переключать зажим с одной мышцы на другую.

— **Ты теперь овладела этой системой?**

— Могу сказать, что прошла хорошую школу. За два месяца, конечно, сложно овладеть этим: у Судзуки годами люди занимают-

ИТАР-ТАСС

ИРИНА ЛИНДТ: "СУДЗУКИ МНЕ СКАЗАЛ: "ТЫ ДОЛЖНА ИГРАТЬ МУЖЧИНУ".

Актриса Театра на Таганке **Ирина Линдт** — единственная из русских, которую пригласили работать в японском театре. И не просто в одном из храмов искусств Страны восходящего солнца, а в театре, о котором сами японцы говорят: "Такого второго нет" — у всемирно известного режиссера **Тадashi Судзуки**. Мастер пригласил ее на роль **Роксаны** в свой последний спектакль "Сирано де Бержерак". На днях **Ирина Линдт** вернулась в Москву и ответила на вопросы **Марины РАЙКИНОЙ**.

ся. Но поскольку я физически хорошо подготовлена, мне кажется, я чему-то научилась. Японцы сами удивлялись, как я быстро освоила систему.

Я здорово поднакачала ноги. А вообще японские артисты благодаря этой системе изумительно тренированы, у них — потрясающие сильные тела. Тренинг может длиться от 30 минут до 3 часов.

— **После такого японского тренинга чем тебе показался русский театр — санаторием, пионерским лагерем?..**

— У нас легче, намного. Мы можем много работать, но мы любим посидеть за сто-

— **Были ли у тебя проблемы с языком?**

— Да в общем нет. Со мной была переводчица. Еще я пользовалась английским, сейчас уже знаю несколько слов по-японски, и язык мне не кажется, как в самом начале, абракадаброй.

— **Твоя Роксана в спектакле говорит по-русски. Были ли проблемы с партнерами, которые свои реплики подают на японском?**

— Сначала я этого боялась, но потом поняла, что язык не имеет никакого значения. У спектакля такая совершенная форма, такая удивительная атмосфера, что язык не имеет никакого значения.

— **Расскажи о "Сирано", который увидят московские зрители.**

— Это удивительно красивый спектакль, энергичный и гармоничный. Лично мое открытие: у настоящего искусства не может быть национальности, а есть что-то прекрасное. Вот, скажем, звучит фрагмент из "Травиаты" Верди, а японцы играют гасконцев — и все это так естественно, как будто так и задумано.

— **Что было неожиданным для тебя в трактовке образа Роксаны?**

— На первых же репетициях мне Судзуки сказал: "Ты должна играть мужчину". Заставлял нежные тексты говорить грубым голосом. Он объяснял, что Роксана — такой типаж женщин, в присутствии которого мужчины становятся женщинами. И он очень злился, когда японцы говорили ему: "Какая же у вас красивая Роксана". "Не думай, что это комплимент", — говорил он мне.

Приятно, что он не требовал всего сразу. Вначале мы искали тело. Потом шел текст, причем его нужно было прокричать — нет, проорать так, чтобы жилы на шее надувались, но при этом сохранялось найденное тело. Когда репетировали сцену на балконе, я "кололась". Почему? Моя реплика: "Кто это?" А они в ответ кричат. А мой текст: "Вы шепчете слова так тихо, медленно, их слышу я едва"... Смешно сначала, но потом втягиваешься, никакой дисгармонии.

— **Как тебе японские партнеры?**

— Очень приветливые люди. Если ты кого-то попросил о чем-то — разобьются в лепешку. При мне не было ни одного скандала, никаких споров. Наоборот, все время мне что-то предлагали попробовать из еды... Очень хорошие люди.

— **В Японии ты сыграла три спектакля. Какова была реакция публики?**

— Судзуки был мной доволен, сказал, что у меня большой потенциал, и главное, чему я научилась, — осознание своих недостатков. Например, я знаю, в какой сцене у меня падает энергия, и это уже победа.

— **Ты играешь Роксану в кимоно?**

— Да, и мне очень понравилось его носить. И японцы говорят, что оно мне идет.

лом, пообсуждать, поспорить с режиссером, а у них — непрерывный процесс работы. И что самое главное — очень много залов, где можно заниматься тренингом, репетировать. Причем везде стоят мониторы, и Судзуки в любой момент может посмотреть, кто, как и где репетирует.

— **Говорят, что такая строгая система позволяет господину Судзуки наказывать своих актеров физически. Это правда, что он их бьет?**

— Бывает. Но это не наказание, пойми, — это скорее работа. Он — как отец, который заставляет работать детей. Я много думала и поняла, что он имеет право так обращаться с артистами: он не теоретик — сам тренирует, вкалывает, потеет. И поэтому требует больше. Он не то что бьет — может толкнуть, встряхнуть. Со стороны, может быть, это и кажется дикостью, но актеры не отвечают ему — не имеют права.

— **А тебе доставалось от Судзуки?**

— Нет. Но, наверное, если бы ударил, я бы ответила.